

The Cultural and Communicative Frontier in the Sphere of Private Girls' Schools of the Russian Empire in the Early 20th Century (on the Example of the City of Kazan)

Liliya R. Gabdrafikova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences. Kazan, Russia.
 Email: bahetem[at]mail.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>

Received: 26 March 2025 | Revised: 23 June 2025 | Accepted: 4 July 2025

Abstract

The city of Kazan in the early 20th century was an important center of women's education for the Volga-Ural region, where the population was mixed (Orthodox, Muslims, and others). Almost a dozen private girls' schools in Kazan were equivalent in status to gymnasiums. These aspects of regional and ethnic history require analysis through the lens of cultural interaction in a borderland context, because Kazan, as a frontier city, gave rise to new socio-cultural models. The purpose of the study is to examine the historical experience of Kazan in the field of women's education, the ethno-confessional diversity of students in private schools and alternative educational practices, as well as patterns of cultural influence. The first private educational institutions for girls opened in Kazan at the beginning of the 19th century; their founders were foreigners. A hundred years later, gymnasiums were most often opened by Orthodox women who held a teacher's license. Muslim Tatar women were a significant part of the population of the Kazan province and the Volga region; they formally had access to imperial-type girls' schools, but remained a minority in them. For them, the Fatiha Aitova Gymnasium, with Tatar as the language of instruction, became an alternative educational option. However, this school was influenced by other girls' educational institutions in Kazan.

The article also presents an account of the cooperation of the schools of Fatiha Aitova and Lidiya Shumkova. The article is intended for historians and anyone interested in the history of the Russian Empire.

Keywords

Russian Empire; Kazan Province; Women's Education; Private Women's Schools; Cultural Frontier; Muslims; Ethno-Confessional Minorities; Tatar Women; Fatiha Aitova's School

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Культурно-коммуникативный фронтир в сфере частных женских школ Российской империи в начале XX в. (на примере г. Казани)

Габдрафикова Лилия Рамилевна

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань, Россия.
Email: bahetem[at]mail.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>

Рукопись получена: 26 марта 2025 | Пересмотрена: 23 июня 2025 | Принята: 4 июля 2025

Аннотация

В начале XX в. Казань была заметным центром женского просвещения Волго-Уральского региона как для православного, так и для мусульманского населения. В городе было учреждено около десятка частных женских школ, приближённых по статусу к гимназиям. Устоявшиеся факты региональной и этнической истории нуждаются в анализе с позиции культурного взаимодействия на пограничье, поскольку Казань как фронтир становилась пространством формирования новых социокультурных моделей. Целью исследования является изучение исторического опыта Казани в сфере женского просвещения с учётом этноконфессионального разнообразия учащихся частных школ, альтернативных образовательных практик, а также культурного взаимовлияния. Первые частные учебные заведения для девочек открылись в Казани в начале XIX в.; их учредительницами были иностранки. Спустя сто лет гимназии чаще всего открывали православные женщины, имевшие звание учительниц. Татарки-мусульманки, составлявшие существенную часть населения Казанской губернии и Поволжья, формально имели доступ к женским школам общеимперского типа, но оставались в них меньшинством. Альтернативным вариантом для них стала гимназия Фатихи Аитовой с обучением на татарском языке. При этом эта школа испытывала влияние других женских учебных заведений Казани. В статье представлен также очерк сотрудничества школ Ф. Аитовой и Л. Шумковой. Статья предназначена для специалистов-историков и всех, кто интересуется историей Российской империи.

Ключевые слова

Российская империя; Казанская губерния; женское просвещение; частные женские школы; культурный фронтир; мусульмане; этноконфессиональные меньшинства; татарки; школа Фатихи Аитовой

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В модернизации сферы женского образования Российской империи особое место занимали частные гимназии. После внесения ряда изменений в законодательство в начале XX в. их стало значительно больше. Казань была заметным центром женского просвещения в Волго-Уральском регионе, причем как для православного, так и для мусульманского населения. Например, в 1916 г. в городе открылась частная женская гимназия Фатихи Аитовой, где преподавание в основном велось на татарском языке. В современных условиях особую актуальность приобретают кросскультурные исследования, учитывающие не только внешние параметры изучаемой проблемы (например, региональное, этноконфессиональное и гендерное разнообразие), но и опыт коммуникации, формирующийся в этих условиях.

Методология исследования

Безусловно, каждая империя создавала собственное культурно-коммуникационное поле, в которое были вовлечены, так или иначе, все её жители. Для осмысления опыта взаимодействия различных культур в условиях империй можно обратиться к образу контрапунктического звучания, который характеризует формирование особой культурной идентичности между условным Западом и Востоком (Саид, 2012, с. 129). Если учесть концепцию «воображаемых сообществ» (этнических, религиозных и т.д.), существовавших в эпоху модерна скорее в письменной культуре (Андерсон, 2024, с. 84–87), то фактическое поле коммуникаций за пределами круга адептов данных идей (этнуса, конфессии и т.д.) остается без должного внимания исследователей. Наконец, опыт субалтерных исследований (Чакрабарти, 2021, с. 156) побуждает нас к более пристальному изучению культурно-коммуникативного фронта в сфере частных женских школ Казани. Обращение к термину «фронт» не случайно: именно пограничные территории в результате взаимодействия носителей разных культур рождают новые социокультурные ориентиры (Тёрнер, 2009, с. 156).

Модель культурного взаимодействия на пограничье позволяет взглянуть по-новому на устоявшиеся факты региональной и этнической истории (например, феномен татарской гимназии). Дореволюционные частные женские школы в Казани были не только пространствами образования, но и площадками социокультурного взаимодействия, где вырабатывались модели сосуществования между различными сообществами. Так, открытие гимназии Ф. Аитовой и ее отношения с другими институтами (учебным ведомством, учебными заведениями) являются иллюстрацией сложных форм взаимодействия на уровне «приграничных» культурных практик. В данной публикации мы попытаемся показать исторический опыт Казани, где в начале XX в. полу-

чили развитие частные женские гимназии разного типа, и проследим их взаимодействие.

Проблемы женских учебных заведений г. Казани имперского периода становились объектом ряда научных исследований (Хуторова, 2013). Уделялось внимание и частным гимназиям. Но в большинстве научных работ, которые носят для нашего исследования вспомогательный характер, обозначены лишь общие моменты развития частных женских учебных заведений; практически не уделяется внимания этноконфессиональным особенностям региона и связанным с этим вопросам. Например, следует в этой связи отметить работы о первых женских пансионах в Казани, открывшихся еще в начале XIX в. (Фролова, 2006), а также серию публикаций о гимназии Л. П. Шумковой и её основательнице (Ежова, 2016; Ежова, 2018; Ежова, 2020). При этом другие женские школы Казани (А. Котовой, В. Ряхиной, О. Эккерт, Л. Кавана и др.) изучены гораздо слабее. Сведения о некоторых из них можно почерпнуть лишь в работах общего характера, например, об истории Казани или историко-культурном наследии города (Абдуллин, 1988; Тарунов, 2017). Как уже было отмечено выше, представительницы этноконфессиональных меньшинств выступают в данных работах «невидимыми» фигурами в системе народного просвещения Российской империи. При этом по сложившейся еще в советское время историографической традиции, усиленной в 1990-2000-е гг., вопросы народного и профессионального образования татарского населения рассматриваются, как правило, отдельно от «русского» контекста. Такой подход полезен в плане накопления фактического материала, но дает несколько фрагментарную картину социальной истории региона. В этом направлении имеются публикации А. Х. Махмутовой, Т. А. Биктимировой и др. авторов (Махмутова, 2012; Биктимирова, 2011; Саматова, 2013). Интерес к школе Ф. Аитовой и личности основательницы обусловлен, главным образом, статусом «первой татарской гимназии», которым было наделено данное учебное заведение. Несмотря на определенную оптику с этническим уклоном, работы Т. А. Биктимировой и А. Х. Махмутовой имеют для нас большую ценность с источниковедческой точки зрения. Однако во всех обозначенных публикациях, в силу соответствующей научной задачи, вопросы культурного взаимодействия тоже не рассматривались. Поэтому в методологическом плане мы ориентируемся на теорию фронта (Тёрнер, 2009) и ряд постколониальных трудов (Андерсон, 2024; Саид, 2012; Чакрабартти, 2021).

Вместе с тем в источниках имеются косвенные сведения о взаимодействии женских гимназий Казани, в том числе между татарской школой и русским учебным заведением. Кроме того, и состав последнего не был однородным как в этническом, так и в конфессиональном плане. Если татарские женские школы предлагали обучение на татарском языке (за исключением некоторых предметов) и потенциальный круг их учениц был ограничен носителями этого языка (как правило, татарками) и, по умолчанию, мусульманками, то остальные гимназии отличались более широким этноконфессиональным

охватом. Данные обстоятельства представляются весьма любопытным и актуальным сюжетом, нуждающимся в более детальном изучении.

Источниками для нашего исследования стали как опубликованные материалы, так и архивные документы. Например, многие учебные заведения издавали собственные уставы и их проекты, правила для учащихся, отчеты о своей деятельности. Материалы делопроизводственного характера, касающиеся работы этих учебных заведений, хранятся также в фонде Департамента народного просвещения (ф. 733) Российского государственного исторического архива и различных фондах Государственного архива Республики Татарстан. Некоторые частные женские гимназии имеют отдельные фонды. Помимо собраний официальных органов, представляет особый интерес личный фонд Фатихи и Сулеймана Аитовых (ф. 74), где отложились источники личного происхождения. Кроме того, привлекались материалы справочного характера и периодической печати. Все эти источники позволяют раскрыть разные детали из истории данных школ и обозначить культурно-коммуникативный фронтир.

Целью исследования является изучение исторического опыта Казани в сфере женского просвещения как культурно-коммуникативного фронта, с учетом этноконфессионального разнообразия учащихся частных школ и альтернативных образовательных практик, а также их взаимовлияния.

Частные женские школы в Казани: учредительницы и проблемы организации

Первые частные женские учебные заведения в Казани, именовавшиеся пансионатами благородных девиц, были открыты еще в 1810-е гг. иностранками Софьей Юнгвальд и Марье Потот. Пансион голландки С. Юнгвальд просуществовал более 40 лет и закрылся в 1856 г. лишь в связи со смертью владелицы. Хотя это учебное заведение именовалось пансионом благородных девиц, оно было ориентировано на более широкие слои общества. Среди учениц, число которых в 1850-е гг. было 60 чел., встречались не только дочери дворян и чиновников, но и купцов и мещан (Фролова, 2006, с. 88).

12 февраля 1856 г. в Казани открыла частный женский пансион домашняя учительница Екатерина Чулкова. Как отмечал в 1858 г. в газете «Казанские губернские ведомости» современник, это событие прошло довольно скромно и не привлекло особого внимания общественности. Содержательница пансиона Е. А. Чулкова имела «скромное помещение» и набрала 18 воспитанниц, но уже на второй год число учениц дошло до 70 чел. (В. С., 1858, с. 5–6). Однако вскоре попечительницей нового учебного заведения была назначена супруга начальника Казанской губернии, госпожа Козлянинова (РГИА, 1859, л. 1). Это обстоятельство указывает на строгий контроль сферы частного женского образования. Кроме того, с 1841 г. в городе функционировал Родионовский институт благородных девиц, который имел государственный статус.

Во второй половине XIX в. в Казани стремительно росло число различных учебных заведений. Многие из них были рассчитаны на обучение обоих полов. Например, если в 1882 г. в городе было 59 русских учебных заведений всех форм и типов, то к 1904 г. их число выросло до 102 (Абдуллин, 1988, с. 216). Несмотря на то, что дело открытия таких центров просвещения было не самым простым, продолжали открываться и частные школы.

Среди учредительниц частных женских школ были лица разного социального происхождения, профессиональной подготовки и семейного статуса. Например, с 1871 г. в Казани работала школа Лидии Шумковой. В прошлом она трудилась акушеркой, а к реализации этого проекта приступила вместе с мужем-учителем (надворным советником). В 1883 г. Лидия Петровна овдовела, но решила продолжить семейное педагогическое дело. В этот период финансовую помощь школе начал оказывать вятский купец П. И. Александров. Помощницей владелицы школы была П. Ф. Веселова, заведовавшая хозяйственными вопросами. Её дети учились в этом же учебном заведении. Ранее П. Ф. Веселова также работала акушеркой (Казанская частная женская гимназия, 1910, с. 18–19). Примечательно, что поначалу у супругов Шумковых проходили обучение и мальчики, и девочки. Лишь к концу XIX в. определился женский профиль учебного заведения. Так, в 1896 г. Попечительный совет разрешил допуск учениц, имевших образовательный ценз не меньше курса 2-классного училища, к занятиям в школе в качестве практиканток для получения ими звания учительницы рукоделия. В 1899 г. школа была преобразована в 6-классное профессиональное училище.

Как отмечал анонимный корреспондент газеты «Казанские губернские ведомости» еще в 1858 г.,

«всякое частное заведение в своем существовании много зависит от случайностей, что лживые толки и порицания, которых не избегает ни одно человеческое дело, бессильные против заведений, учрежденных правительством, очень много могут вредить заведению частному» (В.С., 1858, с.7-8).

Спустя тридцать лет после той оценки положение учредительниц частных женских учебных заведений Казани не только существенно не изменилось, но в период контрреформ даже ухудшилось. Например, Л. П. Шумкова в 1886–1888 гг. состояла под негласным надзором казанской полиции (ГА РТ, 1888, л. 4). Судя по всему, её подозревали в политической неблагонадёжности и симпатиях к идеям социал-демократов. Так, в 1892 г. из школы Л. П. Шумковой была уволена учительница М. Е. Шулер за то, что педагог «близко стояла к организации казанского кружка и интересовалась его деятельностью» (ГА РТ, 1892, л. 1). В научной литературе ещё с советского времени сложилось мнение, что Л. П. Шумкова поддерживала революционные идеи и всячески содействовала нелегальным кружкам (Ежова, 2020, с. 169).

В 1877 г. в Казани открылась частная женская прогимназия Софии Федоровны Вагнер. Учредительница была вдовой статского советника. Её особенно

беспокоило то, что выпускницы 7-классной прогимназии по окончании учебного заведения не получали никаких прав. Для подтверждения своей квалификации им нужно было сдавать отдельные экзамены вне стен прогимназии.

«Такой порядок крайне стеснителен для воспитанниц, не желателен для родителей, несмотря на доверие и симпатию, которыми мое заведение пользуется в обществе, вызывает очень часто переход учениц старших классов в учебные заведения Министерства народного просвещения», – жаловалась С.Ф. Вагнер в 1892 г. (РГИА, 1892, л.1).

Владелица около двадцати лет была не только заведующей, но и преподавала там же французский язык. Соратницей С. Ф. Вагнер стала учительница Александра Ивановна Котова (Тарунов, 2017, с. 390), имевшая звание домашней наставницы. С 1901 г. именно она, к тому времени вдова, стала владелицей школы. До этого назначения А. И. Котова девять лет работала заведующей этого учебного заведения (ГА РТ, 1902, л. 2). Ранее прогимназия получила статус гимназии (РГИА, 1892, л. 1).

Революция 1905–1907 гг. повлияла и на рост числа частных школ в Казани. В этот период активно менялся и статус существующих частных учебных заведений. Так, согласно указу от 25 июля 1905 г., 6-классное частное учебное заведение Л. П. Шумковой было преобразовано в частное учебное заведение 1-го разряда с курсом 7 классов женской гимназии и с 8-м профессиональным классом. В 1906 г. в школе обучалось более 400 учениц (РГИА, 1907, л. 2). Однако учредительница гимназии стремилась к дальнейшему расширению прав своего учебного заведения. В своем ходатайстве Л. П. Шумкова писала, что

«оканчивая курс, ученицы для получения прав, окончивших 7 классов женской гимназии и звания домашней и начальной учительницы должны держать особые испытания при женских гимназиях и в Комитете при управлении Учебным округом, что связано для сдающих учениц с сильными душевными тревогами и волнениями, препятствующими правильному ходу экзаменов, также связано с излишними расходами» (РГИА, 1907, л. 1).

Из-за этого некоторые ученицы, зная, что школа не дает никаких прав выпускницам, уходили в гимназии или же просто бросали учебу. Наконец, в 1907 г. частному учебному заведению Л. П. Шумковой присвоили статус частной женской гимназии с предоставлением прав, которыми пользовались ученицы гимназий при Министерстве народного просвещения. Для этого владелица обязалась выполнить ряд условий: 1) привести учебные программы гимназии в соответствие с программой государственных гимназий; 2) обеспечить присутствие на экзаменах представителя администрации Казанского учебного округа; 3) содержать в каждом классе не более 40 учениц (РГИА, 1907, л. 19). Так, спустя 35 лет после открытия школа стала Частной женской гимназией Л. П. Шумковой с профессиональным отделением.

В период первой русской революции начала работать и частная гимназия Валентины Александровны Ряхиной, открывшаяся в 1907 г. Однако не всем желающим удавалось реализовать свои проекты. Например, в 1909 г. домашняя

учительница Мария Яковлевна Павлова попыталась открыть в Казани частное учебное заведение 3-го разряда для детей обоего пола. Однако ей было отказано, судя по всему, из-за неудовлетворительной оценки политической благонадежности просительницы (ГА РТ, 1909а, л. 7).

При этом имевшиеся учебные заведения не могли удовлетворить растущий общественный спрос на образование. С 1911 г. в Казани работали женские училища Левитской и Ольги Мартыновны Эккерт, с 1912 г. – гимназия Любови Ивановны Каваны. Всего к 1913 г. в губернском городе функционировало более 60 частных учебных заведений, рассчитанных на обучение как девочек, так и мальчиков (Хуторова, 2013, с. 229).

Именно на рубеже XIX–XX вв. в Казани появляются и первые частные женские школы для девочек-татарок. Они были проявлением как тенденций пореформенной эпохи с её стремлением к женской эмансипации и развитию женского просвещения, так и особых процессов внутри татарского (мусульманского) сообщества. Тогда разворачивалось движение джадидов (мусульманское реформаторство), которое предполагало изменения во многих сферах жизни. Но самые заметные перемены коснулись системы образования, где внедрялась новая методика преподавания, расширялась программа обучения с уклоном в сторону светских знаний и т.д. С этого времени традиционное обучение девочек-татарок на дому под началом абыстай (супруги муллы) выходит в публичное пространство. В этом можно увидеть и влияние извне, поскольку одним из характерных моментов татарских женских школ (например, школы супруги известного муллы-реформатора Галимджана Баруди Магруй абыстай) были публичные экзамены. Они демонстрировали обществу, прежде всего, достижения организаторов учебного процесса.

Если Магруй абыстай Барудия по умолчанию (согласно мусульманским нормам того времени) имела право на ведение педагогической деятельности, а значит, и на организацию частной женской школы, то инициативы в этой сфере со стороны татарских женщин, не связанных по происхождению с семьями мусульманского духовенства, воспринимались как вызывающие. Очевидно, поэтому не увенчались успехом первые попытки организации татарских женских школ еще в 1870–1880-е гг. Они не были частными, открывались на казенные средства, но инициаторами выступали сами татарские женщины. В 1872 г. к руководству Казанского учебного округа обратилась вдова коллежского регистратора Бадрижамал Абсалямова с просьбой об открытии русско-татарской школы для девочек. Она свободно говорила по-русски, была грамотной и хотела сдать экзамены на звание учительницы народного училища. Для неё было важно лишь то, чтобы её «экзаменовала женщина». В итоге школа открылась в 1873 г., и в ней работала сама Б. А. Абсалямова. Но из-за малочисленности учениц и отсутствия широкой поддержки в татарском обществе уже в 1874 г. учебное заведение было закрыто. В тот же период с просьбами об открытии женских школ в Казани обращались еще несколько татарок (Сайфуллина, Гайнуллина). Русско-татарская школа Шамсенур Гайнул-

линой работала в Пороховой слободе Казани и просуществовала до 1882 г. Почти двадцать лет после этого в Казани не было ни одной государственной татарской женской школы. Лишь в 1900 г. начала работать русско-татарская женская школа, открытая по инициативе вдовы статского советника Хадичи Ахмеровой (Биктимирова, 2011, с. 79–84).

Однако в этот двадцатилетний период отсутствия государственных учебных заведений для девочек-татарок появились женские школы Магруй Барудии и Фатихи Аитовой. Последняя была супругой казанского купца и открыла в 1897 г. собственную начальную женскую школу, где девочек, помимо религиозных знаний, обучали также различным ремеслам (рукоделию и др.). В 1909 г. начальная школа Ф. Аитовой была преобразована в начальную школу с так называемым «русским классом», что означало введение преподавания русской грамоты и арифметики. Интересно, что, в отличие от большинства казанских владелиц частных женских школ, Ф. Аитова не нуждалась в попечителях. Она сама являлась основным спонсором учебного заведения, что объяснялось её социальным статусом. Если с одной стороны Ф. Аитова была супругой богатого казанского купца, то с другой – дочерью троицкого купца и получила от отца солидное наследство. Именно эти средства она в итоге вложила в развитие школы. Для учебного заведения было построено специальное двухэтажное здание в Старо-Татарской слободе.

Накануне празднования 300-летия династии Романовых, в 1912–1913 гг., в татарской прессе начали обсуждать вопрос о необходимости национальной (милли) женской гимназии с обучением на родном (татарском) языке (Мэхмүтова, 2012, с. 376–377). Но воплощение этой идеи стало возможно после принятия «Закона о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений» от 1 июля 1914 г. (Саматова, 2013, с. 75). Одним из требований к частным школам было преподавание отечественной истории и географии на русском языке, а остальные предметы можно было вести на родном языке учеников. Этим правом и воспользовалась Ф. Аитова. Открытие её частной женской гимназии состоялось в 1916 г.

Еще одной похожей школой, ориентированной, в том числе, на профессиональную подготовку учительниц, была школа Лябиби Хусаинии. Хотя она не обладала ни особыми ресурсами, ни правами, школа пользовалась популярностью. Её пример примечателен тем, что она не была абыстай – её муж трудился в сфере торговли. Сама Лябиба поначалу работала в школе Магруй Барудии, а позже организовала собственное учебное заведение.

Открытие и функционирование частных школ сопровождалось множеством трудностей, прежде всего правового характера. Очень показательна история Л. И. Каваны, учредительницы еще одной женской школы в Казани. Её школа («мое детище», – как она выражалась сама) открылась 28 октября 1912 г. (Отчет за 1912–1913 год, 1914, с. 1). Основными попечителями были казанский купец С. А. Землянов, а также Н. К. Чукашева и А. Н. Сапожников. По словам

учредительницы, идея о новой школе была довольно дерзкой – к тому времени в Казани работали шесть женских гимназий с полными правами. Но все равно оставались дети, которые не могли попасть в эти учебные заведения (РГИА, 1915, л. 2). Л. И. Кавана организовала учебное заведение 1-го разряда с полным курсом женских гимназий Министерства народного просвещения, то есть владелица сразу рассчитывала на высокий статус школы. Со стороны администрации Казанского учебного округа не было никаких препятствий для этого, поэтому был организован первый набор учениц. В 1912–1913 учебном году в школе обучалось 79 чел.

Однако статус гимназии так и не был оформлен юридически. Причину этого Любовь Ивановна видела в своем «неправильном» вероисповедании. Её отец был православным, а мать – лютеранкой. Росла она без отца, поэтому воспитывалась в лютеранской традиции. После принятия Манифеста о веротерпимости 17 апреля 1905 г. Л. И. Кавана перешла из юридического православного статуса в фактическое лютеранство. Она была уверена, что этот переход не повлияет на её гражданские права. Когда дело о получении статуса гимназии затянулось, по мнению просительницы, препятствием стал именно её переход в лютеранство.

«...Открыла я это учебное заведение в твердой надежде на то, что в скором времени мне, согласно обещанию г-на Попечителя будут даны права для учащихся, о чем потом и хлопотала весной 1913 и 1914 гг.; но в первый раз мне в этом было отказано в виду «преждевременности», а во второй раз мне было сказано, что права я получу, но сначала должна быть рецензия со стороны окружного начальства. Таковая была произведена в феврале сего года г. окружным инспектором Васильковым, который дал, как мне лично говорил нынешний г. попечитель Его Превосходительства И.А. Базанов, «весьма благоприятный отзыв» о постановке как учебного, так и воспитательного дела в моем учебном заведении», – писала Л.И. Кавана в июне 1915 г. (РГИА, 1915, л.1-1 об.).

К тому времени началась Первая мировая война, и лютеранское (немецкое) происхождение Л. И. Каваны вызвало новые подозрения. Её обращение в Петрограде за поддержкой к другому немцу, востоковеду В. В. Радлову, лишь усилило эти инсинуации со стороны администрации Казанского учебного округа. Тем не менее Любовь Ивановна не оставляла надежды и продолжала писать разным лицам, объясняя свою благонадёжность и подчёркивая заслуги собственной семьи перед Отечеством (муж – англичанин, но подданный Российской империи, а сын и зять – «русские офицеры»). Она готова была вернуться и «в лоно православной церкви» (РГИА, 1915, л. 7). «Я не имею нравственного права, – писала Л. И. Кавана в одном прошении, имея в виду закрытие своей школы. – Ведь у меня теперь 5 классов. Куда же пойдут те сто девочек, которых мне доверили?» (РГИА, 1915, л. 9). В конце концов ей удалось всё уладить. Как следует из отчёта гимназии Л. И. Каваны за 1916 год, в ней обучались 270 чел. (РГИА, 1916а, л. 12).

Таким образом, рост числа частных учебных заведений в период Первой мировой войны объяснялся новыми законодательными нормами. В этой связи уже существующие школы стремились повысить статус или изменить профиль учебного заведения. Так, летом 1914 г. В. А. Ряхина ходатайствовала о разрешении открыть при её частной женской гимназии добавочный класс для подготовки учащихся к сдаче экзамена на аттестат зрелости (РГИА, 1914, л. 1). А училище, учреждённое домашней учительницей О. М. Эккерт (урождённой Иозупейт) (ГА РТ, 1911, л. 1), в 1914 г. было преобразовано в женское коммерческое училище (Проект устава, 1916). При этом ещё в 1913 г. у учредительницы «из-за просьб родителей» возникла идея получить права «министерских» гимназий (ГА РТ, 1913, л. 90), но в итоге учебное заведение было реорганизовано в коммерческое училище. Открытие совпало со строительством железной дороги Казань—Екатеринбург, и это событие промышленной жизни связывали с необходимостью развивать торгово-промышленное образование в крае; подчёркивалась «потребность в интеллигентных работниках, на поприще промышленности» (Казанское женское восьмиклассное, 1915, с. 4). В 1916 г. в Казани, в Адмиралтейской слободе, открылась ещё одна частная женская гимназия Александры Федоровны Пономарёвой. А в Старо-Татарской слободе состоялось торжественное открытие гимназии Фатихи Аитовой.

Обучение в ней велось на татарском языке (за исключение отдельных предметов), а особое внимание всё так же уделялось изучению Корана и сопутствующих мусульманских дисциплин. Кроме того, по сложившейся традиции татарских женских школ в гимназии не было фиксированной стоимости обучения. Каждая ученица делала добровольные взносы в зависимости от своего материального положения.

Такая постановка дел отличала татарскую гимназию от остальных гимназий. В них, как известно, обучение велось на русском языке. При этом для неправославных учениц могли быть организованы альтернативные занятия в соответствии с их религией. Однако в силу сословных и культурных особенностей, а также из-за материальной несостоятельности широких слоёв населения Российской империи, этим правом смогли воспользоваться лишь немногие.

Ученицы гимназий как этноконфессиональные меньшинства

Большинство частных учебных заведений принимали всех желающих при условии успешной сдачи экзамена и платёжеспособности абитуриентов. Такие школы были открыты для представительниц разных сословных групп и конфессий. Например, в правилах для поступающих в школу Л. П. Шумковой от 1906 г. отмечалось, что принимаются ученицы «всех состояний, без различия звания и вероисповедания, по соответственному экзамену» (РГИА, 1907, л. 7 об.). В правилах для учениц гимназии В. А. Ряхиной от 1908 г.

содержалось примечание о том, что «ученицы прочих исповеданий исполняют религиозные обязанности по указанию и под наблюдением духовного начальства и родителей». Таким образом, они освобождались от целого ряда религиозных предписаний для православных учениц (посещение храма, исповедь, причастие и т. д.) (Правила для учениц, 1908, с. 1). Эта открытость прослеживалась и по составу учениц. Так, в гимназии Л. И. Каваны особенно много было дочерей мещан и цеховых (131 чел. из 270); лишь 12 учениц относились к сословию потомственных дворян. Разнообразным был и конфессиональный состав: 213 гимназисток были православными, 14 зарегистрированы как «иных христианских вероисповеданий» (возможно, под этим обозначением понимались старообрядки и др.); кроме того, в этой гимназии обучались 31 иудейка, 7 мусульманок и 5 представительниц римско-католической конфессии (РГИА, 1916а, л. 12). Конечно, здесь надо учитывать, что данные относятся ко времени после революции 1905–1907 гг., когда был принят Закон о веротерпимости 1905 г.

По-другому обстояли дела чуть раньше. Например, в учебном заведении Л. П. Шумковой, по данным 1895 г., большинство учениц были православными. Кроме того, в школе обучалось 10 старообрядок, 3 протестантки, 5 иудеек и 1 мусульманка (Ежова, 2018, с. 619). В Родионовском институте благородных девиц татарки-мусульманки, даже если и обучались, были дочерьми дворян или высокопоставленных военных и чиновников. С 1898 по 1906 гг. там училась дочь генерал-майора Мухамета-Шефи Шамиля — Фатима. Очевидно, её родственницей была и Сабира Абдурахман-Абади, дочь отставного поручика. Обучение оплачивало Мусульманское благотворительное общество г. Казани при активной поддержке супруги генерал-майора Биби-Мариам Ибрагимовны Апаковой-Шамиль. Наконец, поступила в это учебное заведение ещё одна Фатима — дочь оренбургского муфтия Мухамедьяра Султанова. Попечители института внесли даже некоторые изменения в свод правил школы: были предусмотрены исключения для учениц-мусульманок (Федотова, 2009, с. 218–219). Однако всё это были единичные, исключительные случаи. Неслучайно в декабре 1905 г. в газете «Казанский телеграф» появилось отдельное сообщение под названием «Дорогу мусульманке!», где рассказывалось о содействии Мусульманского благотворительного общества г. Казани обучению молодой мусульманки А. в Родионовском институте. Судя по всему, речь шла как раз о Сабире Абдурахман-Абади. Ей оставалось учиться два года; за неимением средств она обратилась в благотворительное общество. В результате была организована подписка, и определённую помощь просительнице оказали казанские купцы Аитов, Галикеев и Хусаинов.

«Необходимо оказать поддержку и другим мусульманкам, не имеющим возможности получить ни первоначального, ни среднего образования, не говоря о высшем, — призывал анонимный корреспондент газеты. — Поддержка эта может быть и материальной, но чаще всего ей придется выражаться в оказании нравственного воздействия почтенных мусульман на родителей,

мешающих и всячески противодействующих дочерям в их стремлении получить образование. Много потребуются усилий в этом направлении, но надо же когда-нибудь начинать» (Амирханов, 2004, с.43).

Это заявление в какой-то мере можно рассматривать как газетный троп, в котором противопоставлялись мусульманки, априори не имевшие доступа к образованию из-за своих «родителей», и остальные женщины, у которых с этим вопросом всё обстояло в порядке. На самом деле всё было устроено сложнее, и трудности с поступлением и обучением в русских учебных заведениях были связаны не только с культурным разрывом или с «противодействием родителей», но и с материальными, сословными и другими факторами.

Спустя чуть более трёх лет после упомянутой выше публикации в «Казанском телеграфе», в сентябре 1909 г. анонимный корреспондент татарской газеты «Вақыт» представил совершенно иную картину. Он сообщал из Казани о том, что обучение девочек теперь стало своеобразной «модой» для родителей-татар. При этом среди всех женских гимназий Казани больше всего татарок, по его мнению, обучалось в частной гимназии А. И. Котовой: журналист насчитал там в том году 13 учениц (Мортазина, 2020, с. 106). Конечно, «модой» это можно было назвать лишь условно. Учениц в гимназиях по-прежнему было не так много. На 1 января 1906 г. во всём Казанском учебном округе (он объединял 6 губерний) в таких учебных заведениях было зафиксировано всего 20 учениц-мусульманок, а в 1910 г. их стало 37 чел. (Мэхмүтова, 2012, с. 364). По неполным данным исследовательницы Т. А. Биктимировой, татарки с 1890 по 1917 гг. обучались во всех частных женских гимназиях Казани. Она зафиксировала имена 30 учениц в гимназии А. И. Котовой, 21 — Л. П. Шумковой, 33 — в училище О. М. Эккерт, 3 гимназисток — у В. А. Ряхиной, 2 — у Л. И. Каваны, 2 — у А. Ф. Пономарёвой. Были ученицы-татарки и в государственных гимназиях. Но, как правило, они являлись представительницами дворянских фамилий (Губеева, Еникеева, Саиновы, Терегуловы, Чанышева и др.). При этом учились они чаще всего в Мариинской женской гимназии и очень редко — в Ксенинской гимназии (Биктимирова, 2011, с. 152–167).

Например, в 1916 г. в Ксенинской женской гимназии Казани обучалось 5 мусульманок. Это была одна из самых крупных гимназий города: число учениц составляло 501 чел. Из них большинство были православными (442 чел.), 11 чел. — римско-католической конфессии, 7 — иных христианских вероисповеданий; было также 6 иудеек. При этом в гимназии преподавали священники-законоучители православного вероисповедания, а также представители лютеранской и римско-католической церквей. Приглашённого муллы-законоучителя не было (РГИА, 1916, л. 21 об.). Ситуация в Мариинской женской гимназии была немного другой: там долгие годы мусульманским вероучителем был военный мулла Фасых Мухутдинов (Адрес-календарь, 1916, с. 241). Кстати, его дочь — Амина Мухетдинова училась в этой же гимназии. Впоследствии она поступила на юридический факультет Казанского универси-

тета и стала первой женщиной-юристом из татарок. Она была видным деятелем татарского женского движения начала XX в.

В целом именно появление частных женских гимназий открыло дорогу представительницам разных социальных групп (сословных, этноконфессиональных и т. д.) к получению среднего и профессионального образования. Обучение давало девушкам новые возможности для самостоятельной жизни и собственного заработка. Например, в гимназии А. И. Котовой сдавали экстерном экзамены Суфия Кулахметова (1906) и Хадича Ямашева (1910), ставшие потом врачами. Там же училась первая женщина-учёный из татарок, будущий советский этнограф Марьям Губайдуллина. В 1915 г. в этой же гимназии получили звание домашних учительниц и наставницы выпускницы 8-го дополнительного класса Марьям Апанаева (по русскому языку) и Магира Юнусова (по истории). Из 4 выпускниц 7-го класса, получивших аттестат зрелости, большинство показали выдающиеся результаты. Так, Апанаева Гайша, Мустафина Хадича и Сагитова Мадина в том году были награждены серебряными и золотыми медалями (Извлечение из отчета, 1916, с. 26–30).

Однако, в отличие от остальных выпускниц гимназий, татарки-мусульманки могли работать учительницами лишь среди своих единоверцев. Поэтому имелись определённые ограничения при трудоустройстве. Показателен случай Магипарваз Ахмеровой, учившейся и в Мариинской, и в Ксенинской женской гимназиях. Она была дочерью видного татарского интеллигента, инспектора Казанской татарской учительской школы Шахбазгирея Ахмерова, горячего сторонника развития светского образования среди татар. Вероятно, с его подачи в 1900 г. мать выпускницы гимназии — Хадича Ахмерова — инициировала прошение об открытии русско-татарской женской школы в Казани. Впоследствии именно там работала учительницей русского языка и арифметики Магипарваз Ахмерова.

Обращает на себя внимание популярность среди татарских девушек женского коммерческого училища О. М. Эккерт. Сначала это учебное заведение работало как обычное женское училище с преподаванием общеобразовательных предметов, рукоделия и прочих дисциплин. Дополнительно вводилось обучение немецкому языку. Сама О. М. Эккерт преподавала в училище русский язык (ГА РТ, 1911, л. 82). Во второй год существования, с 1912 г., учебное заведение получило субсидию от города в размере 300 руб. С 1913 г. начались преобразования: училище переехало из Адмиралтейской слободы (ул. Московская, д. Щеглова) в д. Кешнера на Б. Проломной улице. Многие ученицы решили продолжить обучение в учебном заведении нового уклона (ГА РТ, 1913, л. 2, 27). С 1914–1915 учебного года школа начала работать как коммерческое училище. В нём помимо общеобразовательных дисциплин были такие предметы, как коммерческая арифметика, бухгалтерия (теоретическая и практическая), коммерческая корреспонденция (на русском и иностранном языках), политическая экономия, законоведение (в основном торговое и промышленное), химия и товароведение с технологией (а также

практические занятия в лаборатории по химии и товароведению), коммерческая география (преимущественно России). Кроме того, по желанию и за дополнительную плату ученицы могли выбрать такие предметы, как английский язык, латынь, стенография, письмо на пишущей машинке и т. д. (Устав Казанского городского, 1916, с. 5).

Обучение мусульманок в данном учебном заведении нашло отражение и в нормативно-правовых документах частной школы. Интересно сравнить проект устава училища О. М. Эккерт и уже утверждённый устав, где прослеживается отношение к ученицам-мусульманкам. Так, в первом документе было примечание относительно законоучителя: «Для лиц магометанского вероисповедания преподается магометанское вероучение». Также в VI разделе устава о преподавателях уточнялось, что «Законоучитель(ница) магометанского вероисповедания избирается директором училища и допускается к преподаванию с разрешения Учебного отдела» (Проект устава, 1916, с. 5, 16). Однако в утверждённом уставе этот момент уже отсутствовал (Устав Казанского городского, 1916, с. 15). Но фактически «магометанское вероучение» в училище было организовано с самого начала его существования (Казанское женское восьмиклассное, 1915, с. 6). Например, в 1915 г. преподавательницей «магометанского вероучения» была указана Амина Салихзяновна Галеева (Адрес-календарь, 1916, с. 202), племянница знаменитого казанского муллы и богослова Галимджана Баруди.

Коммерческие училища, как мужские и тем более женские, в начале XX в. оставались относительно новым явлением для России. В 1896 г. было принято Положение о коммерческих учебных заведениях. К тому времени существовало только 8 коммерческих училищ, а после 1896 г. число подобных учебных центров выросло до 500 (из них 225 – коммерческие училища) (Казанское женское восьмиклассное, 1915, с. 3). При этом женские коммерческие училища начали открываться значительно позже мужских. Из 225 коммерческих училищ в России только 45 были женскими, а в Поволжье их было только два – в Рыбинске и Казани.

«Они имеют целью повысить образование женщины в торгово-промышленном классе, дать ей при сравнительно высоком общем развитии, специальные познания, сделать ее не только интеллигентной спутницей, но и надежной сотрудницей его в торговом деле, в промышленном предприятии, при всяком производстве и товарообмене», – пояснялось в брошюре для абитуриентов коммерческого училища О.М. Эккерт (Казанское женское восьмиклассное, 1915, с. 4).

Как уже было отмечено выше, десятки татарских девушек выбрали для продолжения образования коммерческое училище О. М. Эккерт. В годы Первой мировой войны студентками этого учебного заведения стали преимущественно представительницы известных татарских купеческих фамилий Казани (Апанаевы, Айтугановы, Азимовы, Сайдашевы и др.) (Биктимирова, 2011, с. 152–167). Очевидно, получение такого практического образования в сфере

коммерции предполагало и их участие в семейном бизнесе. Кроме того, на выбор частного коммерческого училища могло повлиять и ещё одно обстоятельство. 4 ноября 1915 г. Министерством народного просвещения было выпущено постановление о том, что выпускники коммерческих училищ с 1916 г. имеют право на поступление в университет (ГА РТ, 1918, л. 5). Конечно, такое положение могло стать дополнительным стимулом для поступающих в училище.

Частная гимназия Фатихи Аитовой как альтернатива для татарок-мусульманок

Татарская женская школа Ф. Аитовой прошла с 1897 по 1917 год, т. е. за 20 лет, значительный путь развития. Из начальной школы она доросла до учебного заведения, где планировали готовить главным образом учительниц. Рубежным стал 1909 год, когда школа как мусульманское начальное училище для девочек с обучением русскому языку начала получать субсидию от города. В это время в школе Ф. Аитовой обучалось около 60 девочек (ГА РТ, 1909, л. 1). Если сначала учебное заведение располагалось в Суконной слободе, то с 1907 г. оно переехало в Старо-Татарскую слободу. В 1913 г. в школе обучалось 230 человек. Среди учащихся были девочки из разных социальных групп: как из известных купеческих семей, так и дети интеллигенции (например, дочь редактора газеты «Юлдуз» А. Максуди), так и бедные ученицы. Для последних была предусмотрена стипендиальная программа. В 1916–1917 гг. школа занимала три здания, а обучалось в ней около 450 учениц (Мэхмүтова, 2012, с. 399, 390).

Открытию русского класса при женском мектебе сопутствовал контроль над деятельностью школы со стороны учебного ведомства и новые требования к работе. Если учительницы практически всех религиозных предметов, татарской и арабской грамматик и т. п. предметов работали без подтверждающих документов, то такое не допускалось в отношении учительниц русского языка. Хотя сначала на этой должности трудилась Марьям Султановна Гайнуллина (Еникеева). Судя по всему, у неё не было соответствующего документа. Далее эту вакансию занимали преимущественно русские учительницы. Так, в 1913 г. учительницей русского класса в школе Ф. Аитовой работала Иевлева, окончившая курс Уфимской второй женской гимназии и имевшая звание домашней учительницы. До неё на этой должности трудилась Вера Ивановна Хальфина (девичья фамилия неизвестна — прим. Л. Г.), выпускница Казанской Марининской гимназии. Она была отстранена от работы по распоряжению учебного начальства. Причиной увольнения стал брак В. И. Хальфиной и «уклонение от православия в лютеранство». Последнее на самом деле было формальным обстоятельством — такой «переход» практиковался при заключении межконфессиональных браков между мусульманами и православными после 1905 года. Подобные союзы регистрировали только в лютеранских

церквях. Учительница школы была супругой студента университета Хальфина (Мэхмүтова, 2012, с. 401, 397–398).

Помимо учительницы русского языка, для школы требовалась и учительница рукоделия с соответствующей подготовкой и официальным документом на право преподавания. При этом ещё в 1907 г. в Казани не было учебного заведения, где бы готовили к экзамену на звание учительницы рукоделия. Именно поэтому Л. П. Шумкова просила о допущении к слушанию этого курса в своём учебном заведении учениц со стороны (РГИА, 1907, л. 20). В 1909 г. Министерство народного просвещения разрешило ей учредить специальные двухгодичные курсы для подготовки учительниц рукоделия, а в 1910 г. при гимназии Л. П. Шумковой открылись вечерние общеобразовательные курсы для женщин в объёме гимназического курса (Казанское частное общеобразовательное, 1910, с. 4). Вероятно, поэтому в вопросах кадрового обеспечения своей школы Ф. Аитова сотрудничала главным образом с гимназией Л. П. Шумковой. В 1909 г. на вакансию учительницы рукоделия школы Ф. Аитовой взяли Еникееву, имевшую удостоверение гимназии Л. П. Шумковой о том, что она «успешно прошла курс кройки и шитья и детского и дамского платья и обучалась мелким рукоделиям».

При этом данная вакансия вызвала интерес сразу у нескольких татарских девушек. Вопрос был поднят даже на заседании Казанской городской думы 10 октября 1909 г. Гласный, доктор И. Кутлубаев потребовал объяснить, почему на работу взяли именно Еникееву (как он предполагал, педагога без удостоверения), тогда как имелась другая претендентка — «кандидатка с дипломом». Служебная проверка выяснила, что он имел в виду собственную свояченицу Губееву, тоже подавшую прошение о приёме на работу, правда, с опозданием. Вопрос был оставлен без дальнейшего рассмотрения (ГА РТ, 1909, л. 5–5 об.). Судя по всему, скандальный фон не позволил Еникеевой долго работать в школе Ф. Аитовой. В дальнейшем Биби-Асьма Еникеева работала учительницей рукоделия сразу в двух русско-татарских женских школах Казани (Адрес-календарь, 1916, с. 268–269).

А в учебном заведении Ф. Аитовой впоследствии учительницей рукоделия работала Вера Сергеевна Моисеева, имевшая звание домашней учительницы. Эту работу она совмещала с аналогичной деятельностью в гимназии Л. П. Шумковой. Рукоделие входило в программу обучения практически всех русских женских учебных заведений рубежа XIX–XX вв. С 1902 г. учительницы рукоделия в прогимназиях и гимназиях были приравнены к учительницам «научных предметов». Как и последние, они могли претендовать на пенсию за выслугу (ГА РТ, 1906, л. 3). Между тем в татарских женских школах, ориентированных прежде всего на религиозное обучение девочек, сначала не было такой дисциплины (хотя женская школа Ф. Аитовой в Суконной слободе зарождалась прежде всего как учебное заведение с ремесленным уклоном для девочек из бедных семей). Очевидно, поэтому обучение рукоделию (кройке и шитью) воспринималось владелицей школы как одно из ярких дости-

жений в работе учебного заведения. Например, ею были организованы выставки изделий, подготовленных ученицами школы. Ещё в 1911 г. при школе открылись также отдельные курсы кройки и шитья и кулинарные курсы (Мэхмүтова, 2012, с. 372).

Кстати, у Л. П. Шумковой также были кулинарные курсы и ремесленная мастерская дамских нарядов. По окончании курса ученицы получали звание мастериц. С 1907 г. выпускницы общеобразовательных классов её школы получали права учительниц (как ученицы гимназии) (РГИА, 1907, л. 13 об.). При этом поддержка обучения ремесленным навыкам девочек из бедных семей сохранилась в рамках благотворительных организаций. Например, Казанское дамское благотворительное общество подготовило в 1915 г. два устава. Один устав регламентировал работу Рукодельной школы, другой — Практической школы поварского искусства и домоводства. Обе школы были рассчитаны на обучение девушек из бедных семей или сироток. В уставе рукодельной школы оговаривалось, что принимаются в учебное заведение «преимущественно круглые сироты, христианского вероисповедания» (Устав рукодельной школы, 1915, с. 2). А целью школы поварского искусства было «подготовление опытных в кулинарии и домоводстве хозяек из учениц, прошедших начальное училище, но не способных рукоделием добывать средства для своего существования» (Устав Практической школы, 1915, с. 1).

Ф. Аитова в своей работе во многом шла за основными трендами. Её школа, безусловно, испытывала влияние аналогичных женских гимназий той поры. Это было видно даже по внешнему виду учениц: тёмное платье с белыми фартуками напоминало форменную одежду гимназисток. Например, для учениц Мариинской женской гимназии Казани была установлена следующая форма одежды: гладкое коричневое платье и белый фартук определённого образца (Сведения об условиях, 1905, с. 2). Единственным отличием учениц гимназии Ф. Аитовой были головные уборы — белые платки или калфаки. Хотя по закону для учениц частных учебных заведений не была предусмотрена особая форма. Любопытно, что директор народных училищ Казанской губернии в переписке с учредительницей частного учебного заведения О. Эккерт в 1913 г. отмечал, что совершенно необязательно вводить в её училище специальную форму одежды, т. к. это «может вызвать затруднения в среде малосостоятельных родителей учащихся». Более того, он просил, чтобы ученицы не носили форму, повторяющую крой и цвет формы учениц других женских учебных заведений Казани (ГА РТ, 1913, л. 18–18 об.).

Вместе с тем в условиях, когда основная масса татарок оставалась за рамками общеимперской школьной жизни, Ф. Аитова предлагала им собственную альтернативу и всеми силами развивала свою школу. В конце 1913 г. она просила у учебного начальства взять на работу учительницу русского языка — Амину Терегулову, выпускницу Казанской Мариинской гимназии (окончила в 1905 г.) (ГА РТ, 1909, л. 12 об.), супругу врача А. Терегулова (ГА РТ, 1914, л. 1). К тому времени школа Ф. Аитовой состояла уже из 5 отделений.

При этом большинство учительниц (за исключением русского языка и рукоделия) имели домашнее образование или учились у Л. Хусаиновой, поэтому были уязвимы в правовом отношении. Как отмечала сама Ф. Аитова в документе от 13 января 1914 г., учительницы 5-го (тогда — последнего) отделения школы — Рукия Мухитдинова, Рабига Юзеева, Маруарид Туктарова, Амина Хамитова, Умми-Гульсум Сабитова, Галия Гадиева, Рабига Мукминова — «получили магометанское образование или у муллы или в мектебе Хусаиновой» (ГА РТ, 1909, л. 13).

В научной литературе утвердилось мнение, что Ф. Аитова сталкивалась с различными препонами при расширении прав своей школы, особенно при преобразовании учебного заведения в женскую гимназию. Однако знакомство с деловой перепиской тех лет показывает, что местами чиновничьи проволочки были связаны и с определённой неподготовленностью вопроса со стороны самой учредительницы частной школы:

«...не довольствуясь этим г-жа Аитова, от 23 июля просила меня разрешить преобразовать это учебное заведение в медресе с 8 летним курсом. От 24 того же июля я просил ее представить учебный план проектируемого медресе, в ответ на что г. Аитова (15 августа 1913 г.) объяснила, что она не может представить требуемых сведений в скором времени и потому просила преобразовать мектебе в медресе пока с 6 летним курсом по приложенной программе. Так как последняя была составлена в неудовлетворительном виде, то в предложении от 4 сентября 1913 г. мною было предложено изложить эту программу подробнее по годам изучения предметов. В январе 1914 г. учебная программа была мне представлена, но опять не за 8 классов, а лишь за 6»,

— писал директор народных училищ Казанской губернии в служебной записке попечителю Казанского учебного округа в 1914 г. (ГА РТ, 1909, л. 32).

Тем временем был обнародован «Закон о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений» от 1 июля 1914 г. Кроме того, именно весной того же года прошли заседания Особого совещания по мусульманским делам, где обсуждались вопросы противодействия «татаризации» нерусских народов Волго-Уральского региона. Наиболее эффективными инструментами продвижения этого «явления» участники совещания считали печать и новометодные школы татар (Хасаншин, 2014, с. 218). В этой связи изменилась и тональность чиновничьих ответов на прошения Ф. Аитовой. Новая учебная программа её школы получила резко отрицательную оценку директора народных училищ Казанской губернии А. Васильева. Он сравнил этот документ с программами новометодных мужских медресе и отметил, что «главное внимание в программе Аитовой уделяется на магометанское вероучение, араб. яз., историю магометанства и тюрко-татарских племен, тюрко-татар. языки». По его мнению,

«широкое изучение тюрко-татарства в проектируемом учебном заведении отвечает современным требованиям татар-националистов, по которым необходимо дать детям в школах такое воспитание и образование, которое сообщило бы

им духовную силу для гарантии в будущем строго национальной и мусульманской жизни» (ГА РТ, 1916, л.4 об.).

Всё это он связывал с ростом национального самосознания и консолидацией татарского народа в последние десять лет. А. Васильев считал, что ходатайство Аитовой не может быть удовлетворено, т. к. закон 1 июля 1914 г. не касается конфессиональных школ (медресе и мектебе). Кроме того, чиновник указал на отсутствие учебников для татарских средних учебных заведений, одобренных Министерством народного просвещения; слабую разработанность в учебной программе таких предметов, как русский язык, отечественная история и география, а также на «слишком резко выдвинутые на 1-й план идеалы татарской национальной школы, во имя какого-то объединения «общей тюрко-татарской семьи» (ГА РТ, ф. 92, 1916, л. 5–5 об.).

При этом учредительница татарской женской школы и сторонница объединения татар (по словам чиновника) на самом деле сталкивалась в татарском обществе и с публичной критикой своей работы. Например, в одной из публикаций уфимской татарской газеты «Тормыш» в мае 1914 г. 4 женщины осудили кадровую политику в школе Ф. Аитовой, а её саму сравнили со «злой свекровью». Очень показательно, что заметка вышла не в казанской газете, а в Уфе. По словам корреспонденток, Аитова уволила «учительниц» Марьям Еникееву и Марьям Мухетдинову, но ещё большая текучка была среди мугаллима. Как подчёркивали авторы заметки, на протяжении шести лет были уволены около 20 мугаллима. Ф. Аитову обвинили также в том, что в «мусульманской школе», открытой на «мусульманские деньги», с её одобрения работают русские учительницы (Мортазина, 2020, с. 137).

Но самой Ф. Аитовой явно было не до разбирательств в прессе: её беспокоил вопрос кадров и вызванные этим трудности в общении с чиновниками учебного ведомства. Это всё также было связано с кадровым обеспечением школы (например, не разрешали работать учительницами студенткам). По словам одной из учительниц школы, Амины Хамитовой, до начала войны Ф. Аитова собиралась за свой счёт отправить учиться в Германию нескольких учительниц, но и этот план не был реализован (ГА РТ, 1916b, л. 4). В том же 1914 г. Ф. Аитова подготовила жалобу на притеснения директора народных училищ Казанской губернии (помогали ей в этом учитель Юнусовского Мусульманского детского приюта М. Курбангалиев и чиновник, бывший директор народных училищ Казанской губернии М. Пинегин). Ф. Аитова вместе со старшим сыном Ибрагимом поехала в Петроград и при поддержке депутата от Казанской губернии И. В. Годнева попала на приём к заместителю министра просвещения. По словам И. Аитова, после той поездки директор народных училищ «стал более осторожным в своих выпадах, менее жестким, более гибким и терпимым» (ГА РТ, 1916a, л. 9). Конечно, здесь надо учитывать и фактор начавшейся Первой мировой войны, когда на фоне военных событий наблюдалась консолидация внутренних ресурсов. Также обращает на себя внимание, что все эти трудности коммуникации между учредительницей

и чиновником учебного ведомства нельзя рассматривать только как сложность, обусловленную идентичностями просительницы (татарки-мусульманки) и начальства (православного русского). Мы видим, что содействие Ф. Аитовой в решении её вопроса оказывали М. Пинегин и И. Годнев, хотя они тоже были «другими» для татарской просветительницы.

Летом 1915 г. Ф. Аитова отправила на имя попечителя Казанского учебного округа прошение о разрешении и ей открыть новое учебное заведение. К ходатайству прилагался учебный план (ГА РТ, 1916, л. 7). Спустя полгода, уже в декабре, ею было подготовлено прошение, где содержались также документы просительницы личного характера: удостоверение от купеческого старосты, справка о политической благонадёжности. Интересно, что подписала прошение по-русски сама Ф. Аитова (ГА РТ, 1916, л. 6). Целью частного учебного заведения Ф. Аитовой в Казани было обозначено желание «дать обучающимся в нем общее образование и обучать их кройке и шитью, а также готовить желающих из них к получению звания учительницы в начальных училищах» (ГА РТ, 1916, л. 10).

В этой связи Ф. Аитова продолжала сотрудничать с частной гимназией Л. Шумковой. По одним данным, она организовала за свой счёт обучение в гимназии Шумковой шести татаркам — так решался вопрос кадровой подготовки для гимназии Аитовой. Как отмечала в 1916 г. заведующая Марьям Акимбетьева, они столкнулись с проблемой нехватки учительниц-татарок, имевших официальное право на преподавание. Возможно, одной из стипендиаток Ф. Аитовой в гимназии Л. Шумковой была Марьям Муштарыева. Она была выпускницей этого учебного заведения и в 1916/1917 учебном году преподавала татарский язык, чистописание и естествоведение в женской гимназии Ф. Аитовой (Биктимирова, 2011, с. 73–74).

По другим данным, стипендиаток Ф. Аитовой в гимназии Л. Шумковой было пять человек. Об этом писала одна из стипендиаток, Рабига Сагдеева, в 1965 г. Она училась в школе Ф. Аитовой с 1909-го по 1916 г., проходила в том числе курсы кройки и шитья. Рабига была из простой семьи: отец, Сабирзян, трудился в типографии Н. Харитоновна. По её словам, Ф. Аитова вместе с ней отобрала ещё 4 учениц-отличниц — Марьям Рахманкулову, Лялю Насырову, Умухани Измаилову и Суфью Усманову. В течение двух лет они посещали вечерние курсы для взрослых при гимназии Л. П. Шумковой, а расходы оплачивала Фатиха Аитова. Обучение каждой ученицы стоило ей 40 руб. в год. В мае 1918 г. все 5 учениц сдали экзамены и получили аттестаты. Но вопрос о кадрах стоял, видимо, уже не так остро. Татарская женская гимназия продолжала функционировать в качестве советской школы. Судьба выпускниц сложилась по-разному. Р. Сагдеева в сентябре 1918 г. вышла замуж за бухгалтера Ш. Абдеева, и её дальнейшая профессиональная биография была связана со сферой фармацевтики (ГА РТ, 1965, л. 1). Ещё одна выпускница — Марьям Рахманкулова — впоследствии стала известной оперной певицей.

Если вопрос с кадрами ещё можно было решить, то сложнее обстояли дела с татарскими учебниками. Причём дело было не только в отсутствии таковых, а и в цензуре. Некоторые учебники (по истории, хрестоматии по литературе) считались недозволёнными из-за отдельных фрагментов. Заведующая учебным заведением М. Акимбетъева буквально умоляла разрешить использование в работе некоторых учебников: 1) тюрко-татарской истории А. Валидова, 2) а также учебника по татарской истории Г. Батталова, а также хрестоматии «Янга адабиат» Г. Ибрагимова и Г. Батталова.

«Со своей стороны даю обязательство в том, что недозволённые статьи или стихотворения не будут входить в материал как для классного, так и внеклассного чтения и будут вычеркнуты красными чернилами или вырваны»,

– писала она (ГА РТ, 1916, л.47).

В итоге торжественное открытие частной гимназии Ф. Аитовой в Казани, с участием губернатора, попечителя учебного округа, инспектора народных училищ, городского головы и других начальствующих лиц, состоялось 29 октября 1916 г. (Мэхмүтова, 2012, с. 362). Очевидно, оно состоялось даже без выполнения некоторых условий (нехватка квалифицированных кадров, отсутствие учебников и т. д.), и многие вопросы решались на ходу. Кстати, уже в следующем, 1917 г., директрисой гимназии вместо М. Акимбетъевой была назначена Сара Шакулова, имевшая диплом Сорбонны.

Заключение

Таким образом, в начале XX в. в Казани работало семь частных женских учебных заведений (Л. П. Шумковой, А. И. Котовой, В. Ряхиной, О. М. Эккерт, Л. И. Каваны, Ф. В. Аитовой, А. Ф. Пономарёвой), имевших права «министерских» женских гимназий. Если в первой половине XIX в. их открывали в Казани преимущественно иностранки (М. Потот, С. Юнгвальд), то спустя сто лет этим занимались российские подданные. Правда, их этноконфессиональное происхождение было разным (например, Л. И. Кавана, О. М. Эккерт, Ф. В. Аитова). Обращает также на себя внимание, что учредительницы, как правило, были учительницами. Многие из них были замужем или являлись вдовами. Иногда это было семейным предприятием (например, Шумковы, Котовы, Пономарёвы). Финансовая помощь от разных благодетелей (школа Л. Шумковой, Л. Каваны и др.) или некоторая поддержка со стороны муниципальных органов власти (О. Эккерт, Ф. Аитова и др.) способствовали успешному ведению частного педагогического дела. Немного выбивалась из этого ряда купеческая жена Ф. Аитова, которая не преподавала в своём заведении, а взяла на себя роль начальницы и попечительницы. Она же была основным спонсором: обеспечила школу собственным зданием, выделяла стипендии для бедных учениц, финансировала повышение квалификации учительниц и т. д. Кроме того, её учебное заведение было рассчитано только на мусульманок и предлагало

обучение на их родном (татарском) языке. Это альтернативное обучение, интегрированное в правовую систему Российской империи, превращало учениц-татарок из этноконфессионального меньшинства в приоритетную группу учащихся. Несмотря на критику учебного начальства, такой подход способствовал формированию у учениц гражданской позиции и связывал их с социокультурными ориентирами страны.

При этом гимназия Ф. Аитовой была отражением модернизационных устремлений не только татарского сообщества, но и других социальных групп Российской империи. Открытие такого учебного заведения было продиктовано особенностями фронтальной зоны Казани и Поволжья, где были сконцентрированы разные женские школы. Поэтому и выдающаяся работа татарской просветительницы Фатихи Аитовой опиралась на имевшийся в регионе опыт устройства частных женских учебных заведений. Почти десять лет её школа сотрудничала с женской гимназией Л. Шумковой при подготовке педагогических кадров; также Ф. Аитова перенимала элементы внешкольного обучения и воспитания других женских школ (курсы по кройке и шитью, кулинарные курсы, экскурсии, форма одежды и т. д.). На этом фоне развивался и особый культурно-коммуникативный фронт. Неслучайно именно в Казани в апреле 1917 г. прошёл первый Всероссийский мусульманский женский съезд, где было более 100 участников и поднимались самые актуальные вопросы начала XX в. (расширение прав мусульманских женщин, отмена многожёнства и т. д.). Среди участниц были и учредительница, и учительницы, и ученицы женской гимназии Ф. Аитовой.

Финансирование

Исследование выполнено за счет предоставленного в 2024 году Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

This research was funded by a grant awarded in 2024 by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan for the conduct of fundamental and applied scientific research at scientific and educational institutions, enterprises, and organizations in the real sector of the Republic of Tatarstan's economy.

Список литературы

- Абдуллин, Я. А. (Ред.). (1988). *История Казани* (Т. 1). Татарское книжное издательство.
- Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии на 1916 год*. (1916). Типография Губернского правления.
- Амирханов, Р. У. (Ред.). (2004). *История Казани в документах и материалах. XX век*. Магариф.

- Андресон, Б. (2024). *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. Кучково поле.
- Биктимирова, Т. А. (2011). *Ступени образования до Сорбонны*. Татарское книжное издательство.
- В. С. (1858). Несколько слов по поводу торжественного акта в пансионе г-жи Чулковой. *Казанские губернские ведомости*, 25, 5–6.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). (1888). Ф. 1. Оп. 3. Д. 7054.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). (1892). Ф. 1. Оп. 3. Д. 9003.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). (1902). Ф. 92. Оп. 2. Д. 944.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). (1909а). Ф. 160. Оп. 1. Д. 1287.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). (1909b). Ф. 160. Оп. 1. Д. 1289.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). (1911). Ф. 160. Оп. 1. Д. 1465а.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). (1913). Ф. 160. Оп. 1. Д. 1685.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). (1914). Ф. 74. Оп. 1. Д. 2.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). (1916а). Ф. 74. Оп. 1. Д. 3.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). (1916b). Ф. 74. Оп. 1. Д. 4.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). (1916с). Ф. 92. Оп. 2. Д. 6122.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). (1918). Ф. Р1337. Оп. 10. Д. 93.
- Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). (1965). Ф. 74. Оп. 1. Д. 5.
- Ежова, С. А. (2016). Женское профессиональное образование в Казани в конце XIX – начале XX вв. (На примере частной женской гимназии Л.П. Шумковой). *Гасырлар авазы – Эхо веков*, 1–2, 58–69.
- Ежова, С. А. (2018). Казанская женская гимназия с профессиональным отделением Л. П. Шумковой: Пути демократизации женского образования в дореволюционной России. *Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки*, 160(3), 616–631.
- Ежова, С. А. (2020). «Казань. Ее высокоблагородию Лидии Петровне Шумковой»: Четыре открытки из Петербурга 1905–1906 гг. *Гасырлар авазы – Эхо веков*, 4, 160–172.
- Зиннатуллина, А. Ә. (2020). *XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз магарифе мәсьәләләре (документлар җыентыгы)* [Проблемы образования женщин в татарских периодических изданиях начала XX века (сборник документов)] (Л. Р. Мортазина, Ред.). ТР ФА Ш.Мәрҗани ис. Тарих институты. (На татарском).
- Извлечение из отчета о состоянии Казанской женской гимназии, учр. А.И. Котовой за 1915-й год. (1916). Лито-Типография И.Н. Харитоновна.
- Казанская частная женская гимназия с профессиональным отделением Л.П. Шумковой с 1871 по 1910 год. (1910). Центральная типография.
- Казанское женское восьмиклассное коммерческое училище, учрежденное О.М. Эккерт. (1915).
- Казанское частное общеобразовательное и профессиональное среднее женское учебное заведение Л.П. Шумковой. (1910). Центральная типография.

- Мәхмүтова, А. Х. (2012). *Милләт аналары: Тарихи-документаль һәм биографик җыентык* [Матери нации: Историко-документальный и биографический сборник]. Жыен. (На татарском).
- Отчет за 1912-1913 год женского учебного заведения I-го разряда, учрежд. Л.И. Кавана. (1914). Лито-Типография И.Н. Харитонова.
- Правила для учениц женской гимназии с Министерскими правами, учрежденной В. А. Ряхиной в Казани. (1908). Типолитографский класс О. П. Люстрицкой.
- Проект устава Казанского городского восьмиклассного женского коммерческого училища, учрежденного О. М. Эккерт. (1916). Электрическая Типография аренд. А.И Барабашева.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1859). Ф. 733. Оп. 10. Д. 403.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1892). Ф. 733. Оп. 191. Д. 1336.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1907). Ф. 733. Оп. 196. Д. 118.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1914). Ф. 733. Оп.168. Д. 944.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1915). Ф. 733. Оп. 168. Д. 1238.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1916а). Ф. 733. Оп. 205. Д. 1743.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1916b). Ф. 733. Оп. 205. Д. 1744.
- Саид, Э. В. (2012). *Культура и империализм*. Владимир Даль.
- Саматова, Ч. Х. (2013). *Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века*. Татарское книжное издательство.
- Сведения об условиях приема учениц в Казанскую Маршинскую женскую гимназию. (1905). Лито-Типография И. Н. Харитонова.
- Тарунов, А. М. (Ред.). (2017). *Объекты культурного наследия Республики Татарстан* (Т. 1). Научно-информационный издательский центр.
- Тёрнер, Ф. (2009). *Фронтир в американской истории*. Весь мир.
- Устав Казанского городского восьмиклассного женского коммерческого училища. (1916). Электрическая Типография аренд. А. И. Барабашева.
- Устав Практической школы поварского искусства и домоводства состоящего под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны Казанского дамского благотворительного общества. (1915). Лито-Типография И. Н. Харитонова.
- Устав рукодельной школы состоящего под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны Казанского дамского благотворительного общества. (1915). Лито-Типография И. Н. Харитонова.
- Федотова, О. В. (2009). Казанский Родионовский институт благородных девиц. Из истории женского образования в Казани (по материалам Национального архива РТ). В И. К. Загидуллин & Е. А. Вишленкова (Ред.), *Образование и просвещение в губернской Казани. Сборник статей*. Выпуск 2 (с. 214–219). Институт истории АН РТ.
- Фролова, С. А. (2006). «Позволено... учредить в городе... пансион» Документы Национального архива Республики Татарстан по истории частных учебных заведений в Поволжье. Конец XVIII – начало XIX в. *Отечественные архивы*, 4, 82–102.

- Хасаншин, Г. Р. (2014). Проблема «татаризации» нерусских народов Волго-Уральского региона в материалах Особого Сопещения по мусульманским делам 1914 года. *Из истории и культуры народов среднего поволжья: сборник*, 4, 217–227.
- Хуторова, Л. М., & Ронжина, Ю. Н. (2013). Из истории частных учебных заведений Казани конца XIX – начала XX вв. *Гасырлар авазы – Эхо веков*, 1–2, 229–238.
- Чакрабартти, Д. (2021). *Провинциализируя Европу. Музей современного искусства «Гараж»*.

References

- Abdullin, Ya. A. (Ed.). (1988). *History of Kazan (Vol. 1)*. Tatar Book Publishing House. (In Russian).
- Address-calendar and reference book of Kazan Governorate for 1916*. (1916). Printing House of the Governorate Administration. (In Russian).
- Amirkhanov, R. U. (Ed.). (2004). *History of Kazan in documents and materials: The 20th century*. Magarif. (In Russian).
- Andreson, B. (2024). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. Kuchkovo Pole. (In Russian).
- Biktimirova, T. A. (2011). *Steps of education up to the Sorbonne*. Tatar Book Publishing House. (In Russian).
- Chakrabarti, D. (2021). *Provincializing Europe*. Garage Museum of Contemporary Art. (In Russian).
- Charter of the Kazan city eight-grade women's commercial school*. (1916). Electric Printing House leased by A. I. Barabashev. (In Russian).
- Charter of the needlework school under the august patronage of Her Majesty Empress Alexandra Feodorovna of the Kazan Ladies' Charitable Society*. (1915). Litho-Typography of I. N. Kharitonov. (In Russian).
- Charter of the Practical School of Culinary Arts and Home Economics under the august patronage of Her Majesty Empress Alexandra Feodorovna of the Kazan Ladies' Charitable Society*. (1915). Litho-Typography of I. N. Kharitonov. (In Russian).
- Draft charter of the Kazan city eight-grade women's commercial school established by O. M. Ekkert*. (1916). Electric Printing House leased by A. I. Barabashev. (In Russian).
- Excerpt from the report on the state of the Kazan women's gymnasium established by A. I. Kotova for the year 1915*. (1916). Litho-Typography of I. N. Kharitonov. (In Russian).
- Ezhova, S. A. (2016). Women's vocational education in Kazan in the late 19th–early 20th centuries (a case study of L. P. Shumkova's private women's gymnasium). *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 1-2, 58–69. (In Russian).
- Ezhova, S. A. (2018). The Kazan women's gymnasium with a vocational department of L. P. Shumkova: Paths toward the democratization of women's education in pre-revolutionary Russia. *Scholarly Notes of Kazan University. Series: Humanities*, 160(3), 616–631. (In Russian).
- Ezhova, S. A. (2020). “Kazan. To Her High Nobility Lidiya Petrovna Shumkova”: Four postcards from St. Petersburg, 1905–1906. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 4, 160–172. (In Russian).
- Fedotova, O. V. (2009). The Kazan Rodionov Institute for Noble Maidens: From the history of women's education in Kazan (based on materials from the National Archive of the Republic of Tatarstan). In I. K. Zagidullin & E. A. Vishlenkova (Eds.), *Education and enlightenment*

- in provincial Kazan: Collected articles* (Issue 2, pp. 214–219). Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences. (In Russian).
- Frolova, S. A. (2006). “Permitted... to establish in the city... a boarding school”: Documents of the National Archive of the Republic of Tatarstan on the history of private educational institutions in the Volga region (late 18th–early 19th centuries). *Domestic Archives*, 4, 82–102. (In Russian).
- Information on the admission conditions for female students to the Kazan Mariinsky Women’s Gymnasium*. (1905). Litho–Typography of I. N. Kharitonov. (In Russian).
- Kazan private women’s gymnasium with a vocational department of L. P. Shumkova from 1871 to 1910*. (1910). Central Printing House. (In Russian).
- Kazan women’s eight-grade commercial school established by O. M. Ekkert*. (1915). (In Russian).
- Khasanshin, G. R. (2014). The problem of “Tatarization” of non-Russian peoples of the Volga–Ural region in the materials of the Special Conference on Muslim Affairs of 1914. *From the History and Culture of the Peoples of the Middle Volga Region: Collection*, 4, 217–227. (In Russian).
- Khutorova, L. M., & Ronzhina, Yu. N. (2013). From the history of private educational institutions in Kazan in the late 19th–early 20th centuries. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 1–2, 229–238. (In Russian).
- Makhmutova, A. Kh. (2012). *Mothers of the nation: A historical–documentary and biographical collection*. Zhyen. (In Tatar).
- Private general-education and vocational secondary women’s educational institution of L. P. Shumkova in Kazan*. (1910). Central Printing House. (In Russian).
- Report for the 1912–1913 academic year of the 1st-rank women’s educational institution established by L. I. Kavana*. (1914). Litho–Typography of I. N. Kharitonov. (In Russian).
- Rules for female students of a women’s gymnasium with ministerial rights established by V. A. Ryakhina in Kazan*. (1908). Typolithographic Class of O. P. Lyustritskaya. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1859). F. 733, In. 10, C. 403. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1892). F. 733, In. 191, C. 1336. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1907). F. 733, In. 196, C. 118. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1914). F. 733, In. 168, C. 944. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1915). F. 733, In. 168, C. 1238. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1916a). F. 733, In. 205, C. 1743. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1916b). F. 733, In. 205, C. 1744. (In Russian).
- Said, E. W. (2012). *Culture and imperialism*. Vladimir Dal. (In Russian).
- Samatova, Ch. Kh. (2013). *Imperial power and the Tatar school in the second half of the 19th–early 20th centuries*. Tatar Book Publishing House. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). (1888). F. 1, In. 3, C. 7054. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). (1892). F. 1, In. 3, C. 9003. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). (1902). F. 92, In. 2, C. 944. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). (1909a). F. 160, In. 1, C. 1287. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). (1909b). F. 160, In. 1, C. 1289. (In Russian).

- State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). (1911). F. 160, In. 1, C. 1465a. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). (1913). F. 160, In. 1, C. 1685. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). (1914). F. 74, In. 1, C. 2. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). (1916a). F. 74, In. 1, C. 3. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). (1916b). F. 74, In. 1, C. 4. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). (1916c). F. 92, In. 2, C. 6122. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). (1918). F. R1337, In. 10, C. 93. (In Russian).
- State Archive of the Republic of Tatarstan (SA RT). (1965). F. 74, In. 1, C. 5. (In Russian).
- Tarunov, A. M. (Ed.). (2017). *Cultural heritage objects of the Republic of Tatarstan* (Vol. 1). Research and Information Publishing Center. (In Russian).
- Turner, F. (2009). *The frontier in American history*. Ves mir. (In Russian).
- V. S. (1858). A few words regarding the ceremonial act at Mrs. Chulkova's boarding school. *Kazan Provincial Gazette*, 25, 5–6. (In Russian).
- Zinnatullina, A. A. (2020). *Issues of women's education in Tatar periodicals of the early 20th century (document collection)*. (L. R. Mortazina, Ed.). Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences. (In Tatar).